

Налоги и технологии: прошлое, настоящее и будущее налоговой системы России

Валентин Павлович Вишнеvский

Институт экономики промышленности НАН, г. Киев, Украина, e-mail: vvishn@gmail.com

Любовь Ивановна Гончаренко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: LGoncharenko@fa.ru

Инга Владимировна Никулкина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: IVNikulkina@fa.ru

Александр Владимирович Гурнак

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: AVGurnak@fa.ru

Цитирование: Вишнеvский, В. П., Гончаренко, Л. И., Никулкина, И. В., Гурнак, А. В. (2020).

Налоги и технологии: прошлое, настоящее и будущее налоговой системы России // *Terra Economicus*, 18(4), 6–31. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-6-31

Статья посвящена долгосрочным тенденциям развития налоговой системы Российской Федерации. Для их выявления предложено использовать не обычную финансовую методологию, а анализ коэволюции производственных технологий, экономических институтов и налогов. Результаты анализа показали, что трансформации налоговой системы РФ в целом соответствовали развитию технологий и институтов, что позволяет обозначить контуры налогового будущего, связанного с четвертой промышленной революцией. Для этого были рассмотрены три специально выделенных этапа в новейшей экономической истории России: староиндустриальный (1991–1998 годы), постиндустриальный (1999–2008 годы) и неоиндустриальный (с 2009 года по настоящее время). Исследование показало, что в течение староиндустриального этапа, который характеризовался болезненной перестройкой производственно-технологической структуры экономики на рыночных принципах, в России была сформирована новая налоговая система, основанная на обычных для индустриальных стран налогах. Полученный при этом опыт, как позитивный, так и негативный, был использован для реформирования налоговой системы на следующем этапе, который последовал после дефолта 1998 года и характеризовался быстрым восстановлением экономики прежде всего за счет роста добывающей промышленности и благодаря трансформации налогов: был восстановлен государственный контроль над базой налогообложения углеводородов и резко повышена доля ресурсной ренты, присваиваемой государством. Это позволило восстановить экономический суверенитет страны, сформировать валютные резервы и в разы увеличить доходы консолидированного бюджета. Однако в связи с мировым финансовым кризисом, возродившим интерес к развитию реального сектора экономики, потребовалась очередная трансформация российской налоговой системы для соответствия задачам новой индустриализации на основе киберфизических технологий. Последние уже успешно используются в системе налогового администрирования. Теперь следует ожидать перестройки всей системы налогов на принципах цифровой алгоритмизации налогов, информирования о хозяйственных транзакциях в режиме реального времени, автоматического исчисления и уплаты налогов по смарт-контрактам в соответствии с императивами государственной экономической политики.

Ключевые слова: налоговая система; промышленная революция; производственные технологии; цифровизация; экономические институты; экономическая политика

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по государственному заданию НИОКТР АААА-А19-119092590051-2 «Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России».

Taxes and technologies: Past, present and future of the Russian tax system

Valentin P. Vishnevsky

Institute of Industrial Economics, National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine, e-mail: vvishn@gmail.com

Lyubov I. Goncharenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: LGoncharenko@fa.ru

Inga V. Nikulkina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: IVNikulkina@fa.ru

Alexander V. Gurnak

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: AVGurnak@fa.ru

Citation: Vishnevsky, V. P., Goncharenko, L. I., Nikulkina, I. V., Gurnak, A. V. (2020). Taxes and technologies: Past, present and future of the Russian tax system. *Terra Economicus*, 18(4), 6–31. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-6-31 (In Russian)

The article deals with the long-term trends in the development of the tax system of the Russian Federation. To identify them, the authors analyze co-evolution of production technologies, economic institutions and taxes instead of applying the standard financial methodological tools. The results show that the transformations of the Russian tax system generally were in line with the development of technologies and institutions. This allows us to outline the future contours of the tax system associated with the Fourth Industrial Revolution. For this purpose, three stages in the latest economic history of the Russian Federation were specially selected: an old-industrial (1991–1998), post-industrial (1999–2008), and neo-industrial (from 2009 to the present) ones. The analysis demonstrated that the new tax system of the Russian Federation was designed during the old industrial stage, featured by a painful economic restructuring. The experience gained was used to reform the tax system at the next stage, which followed the 1998 default and was characterized by a rapid recovery of the economy, primarily due to the growth of the extractive industry, but also due to the transformation of taxes: state control over the tax base for hydrocarbons was restored and the share of resource rents assigned by the state was sharply increased. This allowed restoring the country's economic sovereignty, creating foreign exchange reserves and increasing the consolidated budget revenues. Due to the global financial crisis, another transformation of the Russian tax system was required to meet the challenges of new industrialization based on cyber-physical technologies. The latter are already successfully used in the tax administration system. Now we should expect a restructuring of the entire tax system based on the principles of digital tax algorithmization, real-time data associated with the particular business transaction, and automatic tax calculation and tax payments under smart contracts within the state economic policy framework.

Keywords: tax system; industrial revolution; production technologies; digitalization; economic institutions; economic policy

Acknowledgement: The article is supported by the state assignment for research, development and technological work, project no. AAAA19–119092590051–2 “Research of alternative concepts of tax regulation as a factor of ensuring the new industrial revolution in Russia”.

JEL codes: N44, N64, H20, H30

Введение

2020 год подвел черту под предшествующим периодом развития мировой экономики, которая вступила в эпоху четвертой промышленной революции и глобальной финансовой нестабильности (Schwab, 2016). В связи с пандемией COVID-19 деловая активность и объемы производства во многих странах мира обвалились, причем, в отличие от прошлых лет, наибольшие проблемы возникли не у развивающихся стран и эмерджентных экономик, а у развитых стран: США и еврозоны. По прогнозам МВФ, в 2020 году ВВП развитых государств сократится на 8,0%, в том числе в США – на 8,0%, в еврозоне – на 10,2%. В то же время ВВП эмерджентных рынков и развивающихся экономик уменьшится только на 3,0% (IMF, 2020: 7). Относительно неплохо на фоне многих других стран выглядит и Российская Федерация. В первом полугодии 2020 года российский ВВП сократился на 3,6%¹, а по итогам 2020 года, по прогнозам МВФ, он уменьшится на 6,6%. Достаточно надежной выглядит также российская система общественных финансов: если, например, в США общий дефицит бюджета по итогам 2020 года ожидается на уровне 24%, в еврозоне и Китае – около 12%, то в РФ – только 5,5% (IMF, 2020: 20).

Фактически вышло так, что российская экономика в целом и ее налоговая система в частности оказались лучше подготовленными к глобальным экзогенным шокам, чем многие другие. Более того, сейчас налоговая система РФ может служить образцом для других стран мира, в том числе развитых, благодаря успешному внедрению новых цифровых технологий администрирования². В частности, в РФ удалось сократить налоговый разрыв по НДС до менее 1%, в то время как во многих европейских странах он все еще измеряется двузначными цифрами.

Очевидно, однако, что дело не в налогах самих по себе, а в том, насколько они хорошо соответствуют возможностям и потребностям реальной экономики, способствуют (а не препятствуют) ее устойчивости и стабильному росту. В этой связи важно исходить из того, что развитие налогов в конечном счете определяется состоянием и перспективами производства и технологий. Какие используются объекты налогообложения, какие и как взимаются налоги, зависит от того, что и как производится и потребляется. Производство и технологии организуют люди, которые вступают между собой в экономические отношения, канализируемые экономическими институтами – формальными и неформальными нормами поведения с механизмами принуждения к их выполнению. Таким образом, институты также оказывают влияние на производство и налоги. Как, впрочем, верно и обратное утверждение, что в экономической системе государства налоги влияют на институты и производство.

Проследить эти зависимости легче на достаточно больших временных интервалах, когда заметны фундаментальные сдвиги как в доминирующих производственных технологиях, так и в доминирующих экономических институтах и налогах. Их совместный анализ важен не только для того, чтобы объективно оценить прошлое и вынести из него полезные уроки, но также для того, чтобы очертить контуры желательного будущего налоговой системы. Поиск ответов на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Методология

Обычно проблемы развития налоговой системы РФ анализируют в контексте финансовой теории и финансовых институтов. В частности, можно отметить глубокие исследования российских специалистов, посвященные актуальным проблемам российских налогов в условиях кризиса (Лыкова, 2016), с учетом политического фактора (Mauburov, Kireenko, 2018), в международном контексте (Pogorletskiy, 2017).

Очевидно, что это правильный подход, если только акцент делается на решении проблем сегодняшнего дня. Если же нужно выявить длинные тенденции и обозначить контуры налогового будущего, то для этого нужен иной подход, выходящий за рамки чисто финансовой методологии.

¹ Интерфакс (2020). ВВП России в I полугодии снизился на 3,6% (<https://www.interfax.ru/business/722600> – Дата обращения: 20.08.2020).

² Giles, C. (2019). Russia's role in producing the taxman of the future // *Financial Times*, 24 August (<https://www.ft.com/content/38967766-acc8-11e9-8030-530adfa879c2> – accessed: April 20 2020).

Поэтому далее для выявления влияния эволюции налоговой системы в России будет использоваться трехзвенная (трехфакторная) логическая модель, описывающая взаимосвязанное изменение производства, экономических институтов и налогов. В рамках этой модели развитие современной России можно представить в виде трех этапов, которые по промышленному критерию условно названы староиндустриальным (СИ), постиндустриальным (ПИ) и неоиндустриальным (НИ) (рис. 1).

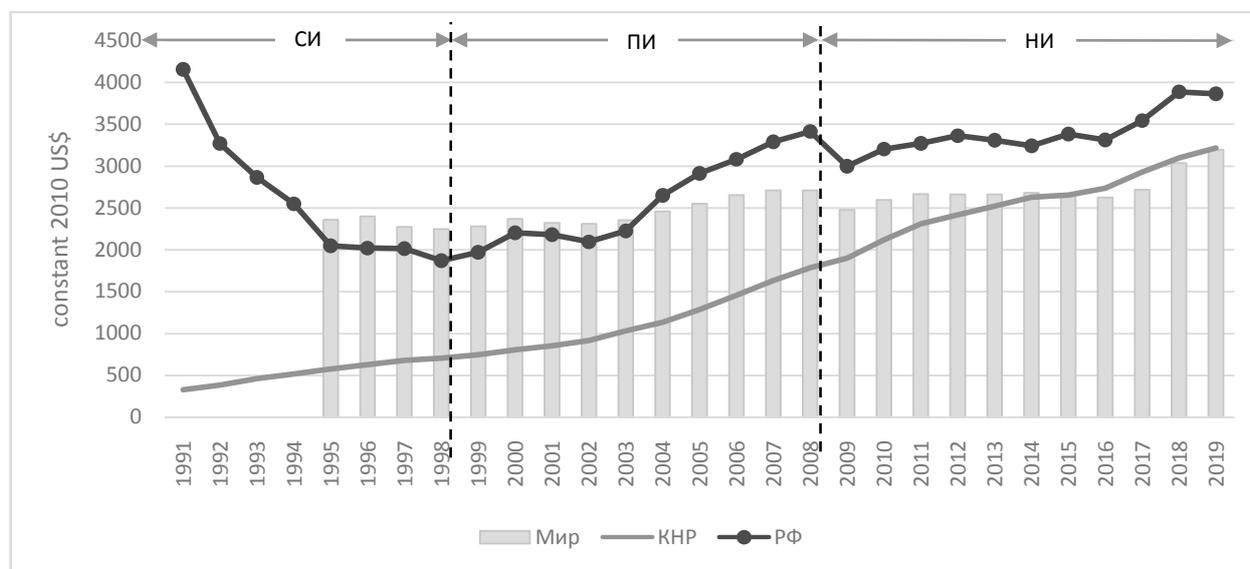

Рис. 1. Добавленная стоимость в промышленности в расчете на душу населения: мир в целом, Российская Федерация и КНР

Источник: составлено авторами по данным: World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org)

Староиндустриальный этап (СИ) характеризуется обвалом российской промышленности ниже среднемировых показателей, потерей многих технологий и предприятий в связи с разрывом хозяйственных связей единого народнохозяйственного комплекса СССР, шоковым переходом от плановой к рыночной экономике и формированием соответствующей ей налоговой системы.

Постиндустриальный этап (ПИ) – это период восстановительного роста промышленности в новой рыночной и налоговой среде при опережающем росте сферы услуг.

Неоиндустриальный этап (НИ) характеризуется постепенным отказом от политики рыночного либерализма и переходом к политике импортозамещения и новой индустриализации (НИ) с формированием новых, соответствующих периоду киберфизической реальности институтов и налогов³.

Особенности указанных этапов наглядно характеризует рис. 2, где показана динамика развития российской индустрии в сравнении с динамикой мировых цен на нефть.

Российская экономика традиционно является одним из мировых энергетических лидеров, и для нее, особенно для российского бюджета, объективно большое значение имеют мировые цены на углеводороды. Однако, как показано на рисунке, их влияние не всегда является определяющим. Обвальное падение бывшей советской промышленности происходило в условиях стабильных (хотя и низких) мировых цен на нефть (этап СИ). И только когда новая институциональная (в том числе налоговая) структура устоялась, после оздоровительной девальвации рубля в связи с дефолтом 1998 года, стране в 2000-е годы удалось перейти к уверенному экономическому росту, движимому в значительной мере растущими мировыми ценами на углеводо-

³ Налоги тоже можно рассматривать как институт. Но в данном случае, в связи с особенностями задачи исследования, они выделены отдельно.

роды (этап ПИ). Однако неустойчивость такой конструкции экономического роста, основанной на принципе «Производим и продаем нефть и газ за валюту, а всё необходимое покупаем на мировых рынках», рельефно проявил мировой финансовый кризис 2007–2008 годов, который привел к ожидаемому обвалу цен на нефть и связанные с ней товары. В результате экономика России испытала сильный шок, который удалось преодолеть за счет перехода на обновленную модель экономического развития, менее зависимую от цен на углеводороды.

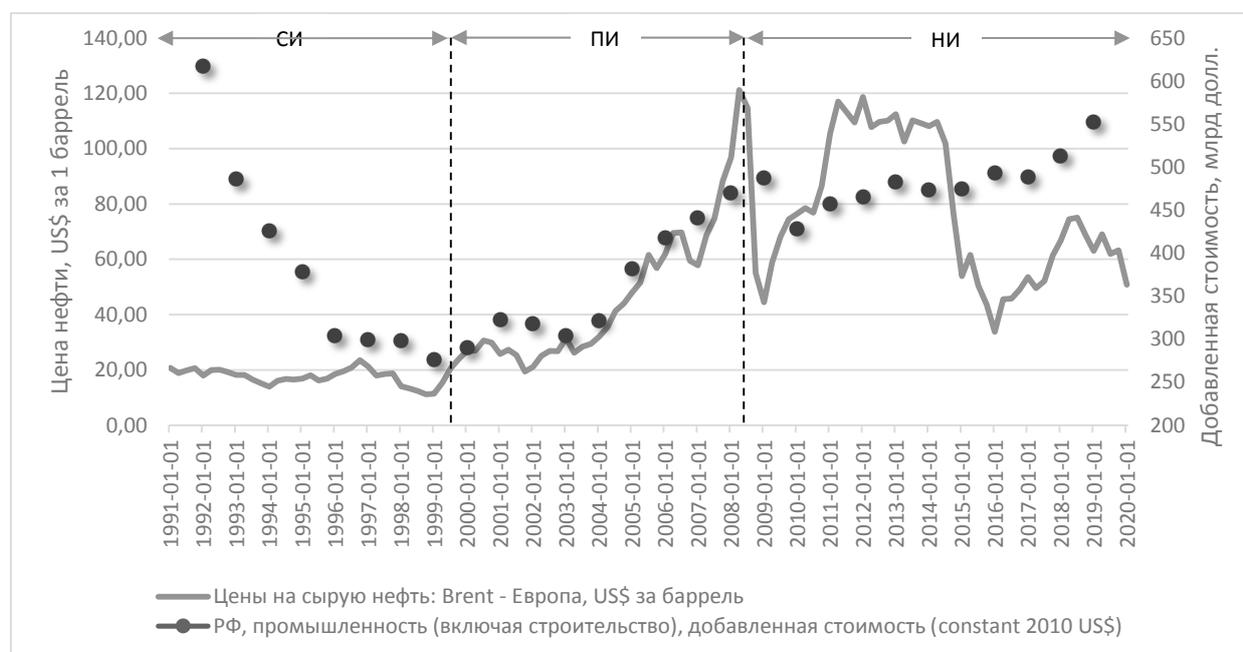

Рис. 2. Объемы промышленного производства в Российской Федерации и мировые цены на нефть марки Brent

Источник: составлено авторами по данным: World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org); Federal Reserve Bank of St. Louis (fred.stlouisfed.org)

Таким образом, в очередной раз было продемонстрировано, что стабильность в развитии требует опоры на собственные силы и диверсифицированную промышленность. Особенно очевидным это стало в свете очередных экономических санкций со стороны коллективного Запада (2014 год и далее), которые заблокировали доступ России ко многим зарубежным технологиям и внешнему финансированию. В ответ правительством РФ был предпринят ряд важных шагов, в том числе в налоговой системе (этап НИ), основные этапы становления и реформирования которой рассмотрены ниже.

Становление налоговой системы РФ в период рыночных реформ и промышленного кризиса (1991–1998 годы)

Основы современной налоговой системы РФ были заложены сразу после распада СССР. Этот процесс происходил очень быстро и без должной предварительной подготовки, поскольку требовалось срочно создать собственную систему общественных доходов и расходов вновь провозглашенного суверена. Процесс становления его экономической системы происходил очень болезненно: разрывались экономические связи единого народнохозяйственного комплекса, плановое хозяйство в авральном порядке было демонтировано и перестроено на рыночных принципах. Для этого в конце 1991 года были приняты фундаментальные решения о либерализации цен, приватизации государственной собственности и ликвидации государственной монополии на внешнюю торговлю. Это, с одной стороны, создало предпосылки для построения новой многоукладной экономики, а с другой стороны, привело к гиперинфляции (дефлятор ВВП в 1992 году по отношению к предыдущему году составил 15 900%, а в 1993 году –

9900%), обесцениванию и разворовыванию активов, находившихся в общенародной собственности, кризису платежной системы, массовому обнищанию населения и др.

В связи с тем что Россия стала государством, самостоятельно формирующим собственную систему государственных доходов и расходов, все юридические и физические лица, действующие на ее территории, стали плательщиками налогов в соответствии с хозяйственным законодательством нового суверена. Как самостоятельные ведомства были учреждены Государственная налоговая служба (1990 год) и Государственный таможенный комитет (1991 год). Одновременно потеряло силу разделение предприятий по подчиненности на общесоюзные и республиканские, были перекрыты финансовые потоки в теперь уже несуществующий союзный центр.

Во времена бывшего СССР основную часть доходов бюджета РФ составляли платежи из прибыли государственных предприятий и организаций, а также налог с оборота. В практике социалистического хозяйствования предприятия получали сверху (Госплан – министерство – объединение – предприятие) планы по доходам и расходам, а их платежи из прибыли в бюджет носили индивидуальный характер. В 12-й пятилетке (1986–1990) распределение прибыли было переведено на нормативную основу. Однако нормативы устанавливались, как правило, с учетом индивидуальных особенностей хозяйствующих субъектов, что, по существу, означало сохранение адресного распределения финансовых ресурсов. И только летом 1990 года в связи с постепенным отходом от практики административного управления был принят Закон Союза ССР «О налогах с предприятий, объединений и организаций», вводящий в действие, начиная с 1991 года, единый для всех плательщиков налог на прибыль по ставке 45%. А в конце 1991 года был принят концептуально важный Закон РФ «Об основах налоговой системы» № 2118-1, в котором были сформулированы принципы налогообложения, определены основные понятия (налог, налогоплательщик и др.), указаны перечни федеральных, региональных и местных налогов, установлены основные права и обязанности налогоплательщиков.

Главными новациями в части состава и структуры налоговых доходов РФ стала замена налога с оборота, который был частью механизма планового ценообразования, налогом на добавленную стоимость (НДС) и акцизным сбором, а также введение основанных на рыночных принципах подоходных налогов с физических и юридических лиц. Благодаря этому начиная с 1992 года налоговая система РФ в основном приобрела современные очертания (рис. 3).

Естественно, что все эти процессы проходили очень непросто и болезненно. Разрушение прежней общественной идеологии, которая отдавала приоритет общественным интересам над частными и групповыми и отрицала эксплуатацию человека человеком, привело к быстрому распространению среди экономических субъектов оппортунистического поведения и преобладанию личных эгоистических интересов. В комплексе с незрелостью хозяйственного и налогового законодательства, которое было противоречивым, содержало множество различных льгот и налоговых лазеек, это привело к массовому уклонению от уплаты налогов с использованием как легальных, так и нелегальных методов. В том числе уходу от уплаты налогов способствовал лавинообразный рост взаимных неплатежей предприятий, обусловленный в том числе либерализацией цен и инфляцией. Недоимка в консолидированный бюджет росла на протяжении всех 1990-х годов; в 1998 году она приблизилась к 9% ВВП (Назаров, 2011: 10). Результатом стало снижение реальных доходов бюджета и рост его дефицита, который в реальном выражении достиг наибольшего значения в 1994 году (рис. 4).

В связи с общей политической и экономической турбулентностью ни одному российскому правительству в 90-е годы не удавалось обеспечить принятие и исполнение реалистичных бюджетов. Для покрытия их дефицитов использовалось эмиссионное финансирование (до 1995 года), а также наращивались заимствования на внутреннем и внешнем финансовых рынках (Назаров, 2011: 15). По данным Банка России, к концу 1997 года обязательства перед нерезидентами (по государственным краткосрочным облигациям и облигациям федерального займа, ГКО-ОФЗ) существенно (примерно на 10 млрд долл. США) превзошли его валютные резервы, и разрыв продолжал нарастать. Кроме того, курс рубля был завышен, в силу чего отечественные товаропроизводители были лишены возможности конкурировать с зарубежными, наращивать объемы производства и налоговую базу. При этом следует отметить, что МВФ явно не хотел, чтобы Россия девальвировала рубль, и выделял валюту на поддержку его обменного курса⁴.

⁴ Stiglitz, J. (2003). The ruin of Russia // *The Guardian*, April 9 (<https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities> – accessed: April 9 2020).

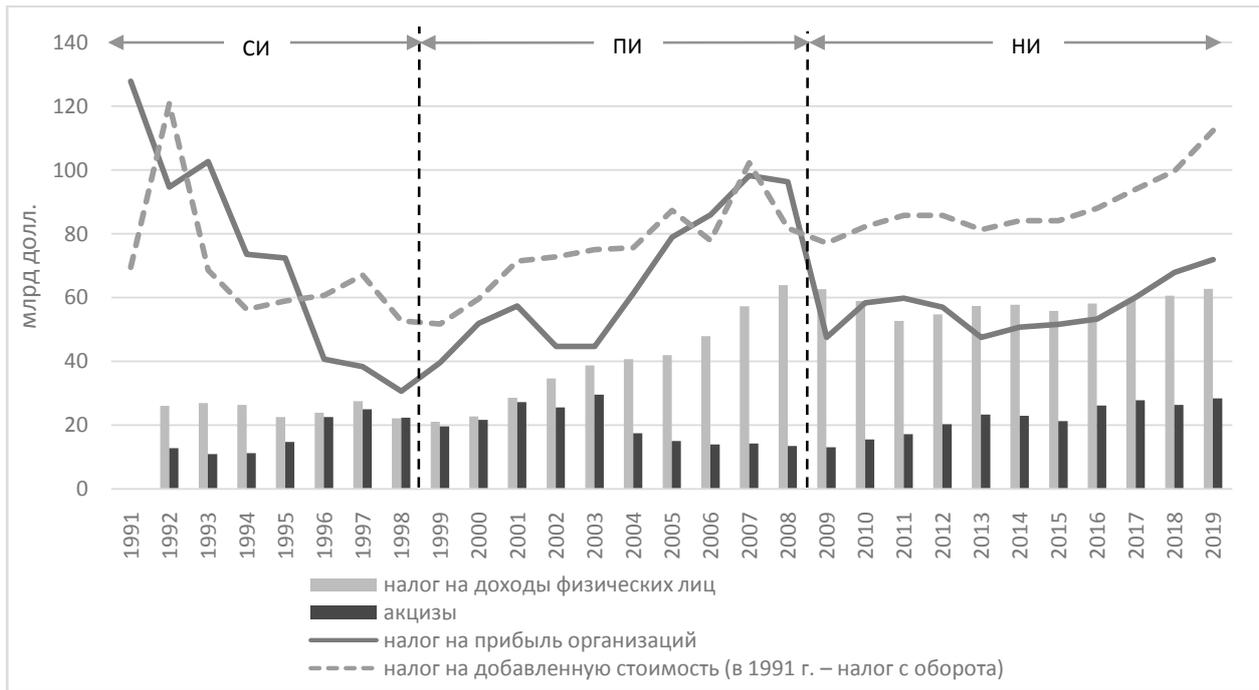

Рис. 3. Основные налоги в Российской Федерации (ненефтегазовые доходы) в постоянных ценах (constant 2010 USA\$) в 1991–2019 годах

Источник: составлено авторами по данным: Российский статистический ежегодник (gks.ru); Минфин России: Консолидированный бюджет Российской Федерации (minfin.ru); World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org)

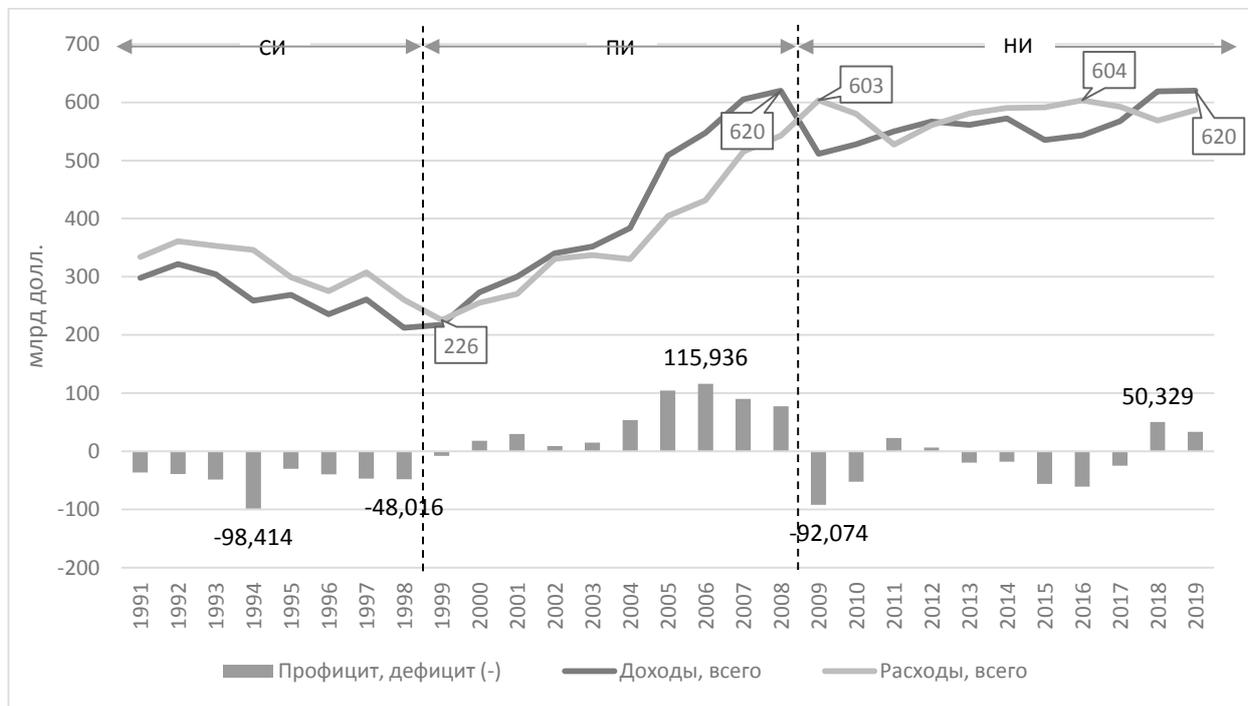

Рис. 4. Показатели консолидированного бюджета Российской Федерации в постоянных ценах
Источник: составлено авторами по данным: Российский статистический ежегодник (gks.ru); Минфин России: Консолидированный бюджет Российской Федерации (minfin.ru); World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org)

Ситуация усложнялась Азиатским финансовым кризисом (1997–1998), растущим недоверием инвесторов к странам с развивающимися рынками и, соответственно, к рублевым инструментам, резким сокращением притока иностранного капитала, снижением мировых цен на основные статьи российского экспорта (прежде всего нефть) (Центральный Банк Российской Федерации, 1999: 79). В конечном счете всё это привело к дефолту – в августе были приостановлены выплаты по ГКО-ОФЗ и торги по ним. Рубль перестали поддерживать (Банк России прекратил валютные интервенции), и до конца 1998 года он подешевел с 6 USD/RUB примерно до 20 USD/RUB, внешний долг страны превысил 180 млрд долл., российский ВВП в расчете по текущему обменному курсу сократился почти в 2 раза (с 495 млрд долл. до 271 млрд долл.). Вместе с тем ослабление рубля дало толчок развитию отечественного производства и замещению импорта в последующие годы.

Эти события подводят черту под первым – наиболее проблемным – этапом эволюции налоговой системы РФ, которая проходила в крайне неблагоприятном внешнем окружении. Тем не менее, несмотря на все проблемы, многое удалось сделать.

За годы, прошедшие с момента распада СССР и начала рыночных реформ, в РФ была проведена большая работа по созданию и последовательному развитию налоговой системы. Это касается формирования новой нормативно-правовой базы налогообложения, создания специальных институтов, ответственных за начисление, взимание и распределение налогов, подготовки специалистов предприятий и населения к работе в новых условиях. В течение этого периода было принято множество законов, изданы тысячи нормативных актов, проведена большая разъяснительная работа. Главный итог этой деятельности состоял в том, что к концу рассматриваемого периода в РФ была создана налоговая система, способная выполнять фискальную и регулирующую функции уже в условиях рыночной (а не плановой) экономики.

В целом теперь она уже не отличалась принципиально от тех, которые используют многие страны мира со смешанной экономикой и развитой промышленностью. Это касается как состава и структуры налогов (весомые налоги на потребление в виде широко распространенного в мире НДС и акцизов на отдельные товары; основанные на декларациях подоходные налоги с юридических и физических лиц; относительно большие отчисления на обязательное социальное страхование; таможенные пошлины, занимающие незначительный удельный вес в доходах бюджета), так и уровня налогов (более 30%, но менее 50% ВВП). Сформированная в РФ налоговая система по своим параметрам была ближе к тем, которые характерны для индустриальных стран и европейских хозяйственных и социокультурных традиций, чем для бедных стран с низким уровнем энергопотребления на душу населения и неразвитой обрабатывающей промышленностью. Это естественно, поскольку фундамент экономики РФ, помимо добычи углеводородов, по-прежнему составляли крупные промышленные предприятия (энергетические, металлургические, химические, машиностроительные), которые, несмотря на проблемы переходного периода, вырабатывали в несколько раз больше продукции, чем, например, сельское хозяйство, а трудовые ресурсы, унаследованные от бывшего СССР, отличались высоким уровнем квалификации (подавляющая часть населения, занятого в экономике, имела высшее и среднее образование).

Но при этом сама экономика, которая генерирует доходы, формирующие базу налогообложения, претерпела радикальные изменения. Это особенно наглядно можно увидеть, посмотрев на динамику промышленного производства по отраслям (рис. 5).

Фактически страна пережила период «бессмысленного разрушения» части индустрии (в отличие от «созидательного разрушения» по Й. Шумпетеру). Объемы промышленного производства в целом по РФ составили менее 50% от уровня 1990 года. Лучше приспособиться к новым условиям хозяйствования смогли в основном предприятия, производящие энергию (без нее ничего не работает), а также добывающие и металлургические предприятия, продукция которых пользуется спросом на внешних рынках, в том числе потому, что их деятельность часто связана с негативными экологическими последствиями для мест размещения (поэтому многие развитые страны предпочитают пользоваться импортным сырьем и полуфабрикатами).

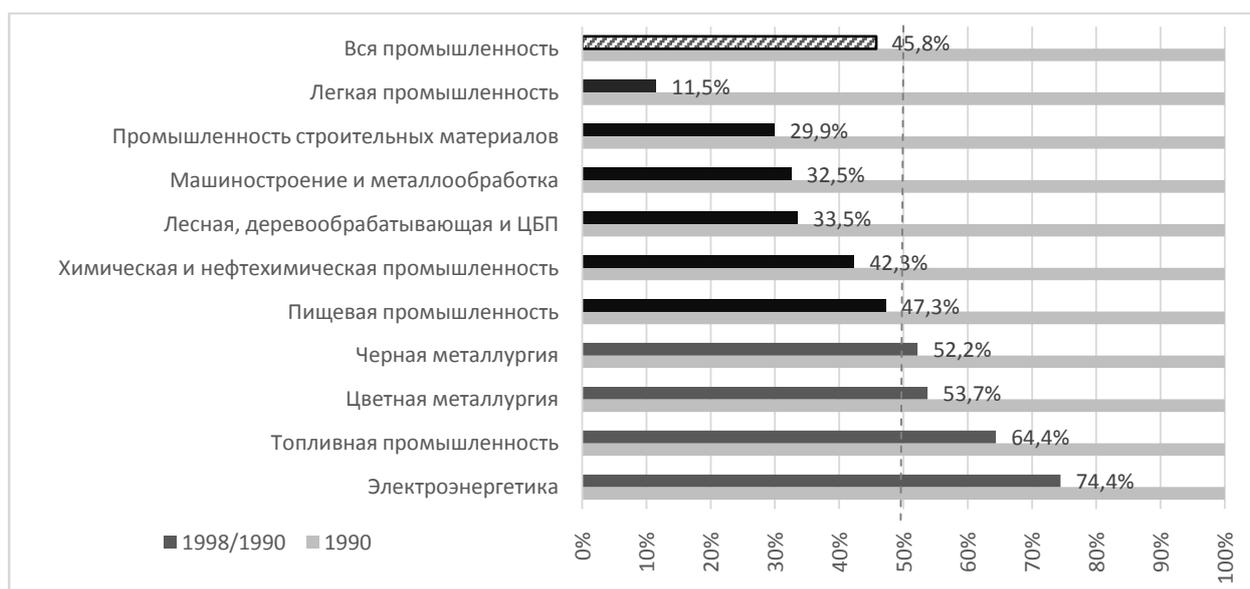

Рис. 5. Промышленное производство по отраслям в Российской Федерации в 1991–1998 годах

Источник: рассчитано авторами по данным: Госкомстат России (2001).

Российский статистический ежегодник, с. 337.

Что касается других отраслей, и прежде всего с высокой добавленной стоимостью, то здесь произошел настоящий обвал. Практически остановилась легкая промышленность (осталась $\approx 1/10$ от объемов 1990 года), и население массово перешло на импортный ширпотреб, более чем в 2 раза сократилась продукция пищевой промышленности (но зато резко выросло потребление «ножеч Буша»), обвалилась промышленность строительных материалов (в стране почти перестали строиться новые предприятия). Но, пожалуй, наиболее неприятные стратегические последствия были связаны с провалом машиностроения – наукоемкой и капиталоемкой отрасли, определяющей темпы научно-технического прогресса в стране. Массовая плохо подготовленная приватизация, развал «заводской» науки, высокая инфляция, разрыв хозяйственных связей и потери рынков сбыта в 1990-х годах привели к тому, что большинство предприятий машиностроительной отрасли приостановили свою деятельность и стали нерентабельными, за исключением предприятий оборонной промышленности (Сайфиева, Ермилина, 2012: 32), а многие производственные комплексы были окончательно утеряны и распроданы на металлолом.

Очевидно, что это не было прямо связано с налоговыми проблемами. Причины здесь более глубокие. В период институциональной турбулентности обрабатывающая промышленность в принципе не может показывать хорошие результаты. Для развития сложного производства, инвестиций в НИОКР и «железо» нужны стабильность и длинные правила игры плюс экономические субъекты, нацеленные на зарабатывание прибыли посредством вложений в рискованные научно-технические инновации, а не на извлечение ренты – чего в то время явно не наблюдалось.

Но и налоги также сыграли определенную роль. Вообще-то налоговую систему обычно стремятся сделать, по возможности, беспристрастной (нейтральность декларируется как один из фундаментальных принципов налогообложения): если есть исчисляемый объект – зарплата, прибыль, добавленная стоимость и др., – значит, нужно платить налог. У кого больше налоговая база – тот и должен вносить в бюджет больший налог.

Но вопрос, во-первых, в том, как и с какими усилиями эта база зарабатывается и воспроизводится. Сложные производственные системы, определяющие конкурентные позиции национальных экономик в современном мире, могут давать большие результаты (добавленную стоимость), но зато они очень науко- и капиталоемкие, а поэтому в тяжелые времена их труднее поддерживать на плаву, а тем более развивать. В эти периоды, особенно с учетом высоких темпов ин-

фляции, затрудняющих длительное планирование, прибыль легче получить путем быстрых и несложных коммерческих операций. Поэтому формально один и тот же налог на один и тот же финансовый результат на практике может означать – в воспроизводственном и стратегическом контексте – разное налоговое бремя для предприятий с разным уровнем технологической сложности основной деятельности.

И, во-вторых, как эту базу подставлять под налоги. Небольшим коммерческим фирмам было легче обучаться новым быстро меняющимся хозяйственным правилам переходного периода, они быстрее находили способы уклонения от уплаты налогов, в том числе незаконные, им было легче обеспечивать секретность в случае ведения «двойной» бухгалтерии (т.е. у них ниже издержки оппортунистического поведения) и т.д. Крупным предприятиям (не входящим в цепи ТНК) с их сложной и разветвленной системой управленческого и финансового учета сделать всё это было намного сложнее, так что на практике вроде бы такие же как у всех налоги создавали для них фактически большее налоговое бремя. В результате объективно менее рентабельные и менее важные в стратегическом отношении виды деятельности выигрывали в конкуренции, благодаря в том числе экономии на налоговых издержках.

Это свидетельствует о том, что оценивать качество налоговой системы важно не только по формальным признакам, как это делают, например, PwC Paying Taxes team и World Bank Group Paying Taxes team (PwC..., 2019), а в конкретном историческом, технологическом и социокультурном контексте (Вишневыский, Гончаренко, Гурнак, 2016), с учетом тех задач, которые стоят перед правительством на данном этапе развития экономики и общества.

Эволюция налоговой системы в период восстановительного роста экономики и промышленности (1999–2008 годы)

Период 1999–2008 годов характеризуется восстановительным ростом российской экономики и промышленности в условиях роста цен на углеводороды и улучшения конъюнктуры на мировых рынках сырьевых товаров, составляющих значительную часть российского экспорта. К этому времени в стране уже в основном сложилась и стала привычной новая институциональная среда смешанной экономики, сформировались традиции предпринимательства. Кризис 1998 года, несмотря на его разрушительные последствия, имел также оздоровительный эффект: многие элементы хозяйственной системы, которые до этого по инерции еще оставались на плаву, прекратили свое существование, а для выживших экономических субъектов, уже хорошо приспособленных к работе в новых условиях хозяйствования, открылись новые возможности развития. Знаменательным событием стала также смена политического руководства страны.

Несомненно, одним из главных факторов улучшения ситуации в экономике России стала девальвация рубля. В этот период Банку России удалось обеспечить проведение взвешенной монетарной политики, благодаря чему была предотвращена раскрутка инфляционной спирали. В связи с отставанием роста внутренних цен от масштабов девальвации возросла конкурентоспособность российской продукции как на внешнем, так и на внутреннем рынке, был придан мощный импульс оживлению деловой активности во всех сферах экономики и подъему российской промышленности. В последнем наращивание объемов производства происходило в основном за счет увеличения загрузки мощностей, не задействованных ранее, и не имело инфляционного характера (Центральный Банк Российской Федерации, 2000). Таким образом, кризис 1998 года предоставил шанс российской промышленности набрать силу, защитил ее от импорта и повысил экспортные возможности. В результате темпы роста индустрии (включая строительство) в 1999 году достигли 9,5%, а в 2000 году вообще превысили 12%. Это абсолютный рекорд за всю новейшую историю РФ (рис. 6).

Такие позитивные сдвиги в экономике РФ не прошли мимо внимания известных зарубежных специалистов. В частности, как отмечал нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, «...возросшие мировые цены на нефть обеспечили дальнейший бум в экономике, позволив создать фонды для инвестиций и расширения производства. Был введен контроль за движением капиталов, а внутренние инвесторы стали искать возможности для вложения денег у себя на родине вместо того,

чтобы делать это в Нью-Йорке или на Кипре... К сожалению, за предыдущие годы осуществления программ МВФ рыночная экономика – с высокими процентными ставками, незаконной приватизацией, плохим корпоративным управлением и либерализацией рынка капитала – создавала лишь побудительные мотивы для вывода активов за границу. Экономического роста удалось достичь только благодаря переменам в экономике, переменам, которые Россия осуществила сама»⁵.

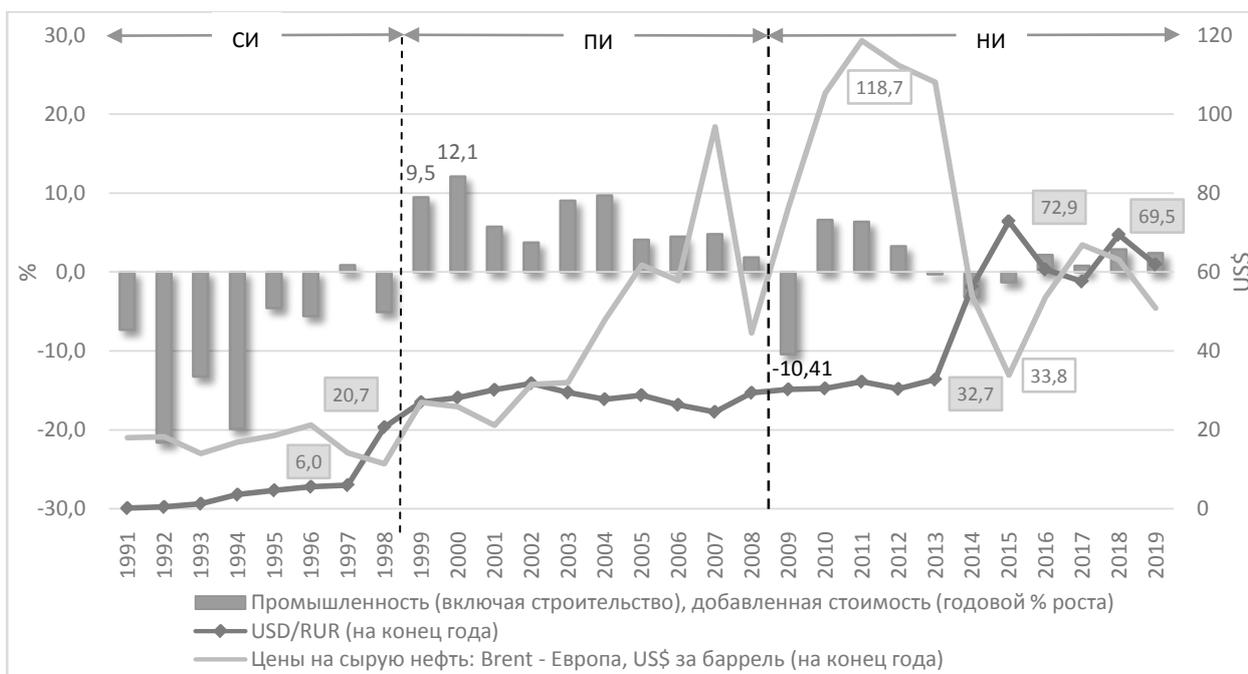

Рис. 6. Индексы промышленного производства в Российской Федерации, курс доллара США и цены на нефть

Источник: составлено авторами по данным: World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org); Federal Reserve Bank of St. Louis (fred.stlouisfed.org)

Важные сдвиги, поддержавшие наметившиеся позитивные тенденции в экономике страны, произошли также в бюджетно-налоговой сфере в связи с разработкой и принятием Бюджетного и Налогового кодекса (НК) РФ. Первая часть НК, подписанная Президентом РФ еще в июле 1998 года, вступила в силу с 1 января 1999 года. Она устанавливала наиболее важные общие положения в сфере налогообложения в РФ, в том числе: виды налогов и сборов, взимаемых в государстве; основания возникновения и порядок исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов; порядок установления, введения в действие и прекращения действия ранее введенных налогов субъектов РФ и местных налогов; права и обязанности налогоплательщиков, налоговых органов и налоговых агентов; формы и методы налогового контроля; ответственность за совершение налоговых правонарушений; порядок обжалования актов налоговых органов и действий их должностных лиц.

Вторая часть НК, устанавливающая принципы исчисления и уплаты отдельных налогов и сборов, вводилась в действие поэтапно: с 1 января 2001 года вступили в силу четыре главы: по налогу на добавленную стоимость, акцизам, налогу на доходы физических лиц и единому социальному налогу. Потом (в 2002 году) были введены налог на прибыль организаций, на добычу полезных ископаемых, единый сельскохозяйственный налог, еще позднее – транспортный налог, упрощенная система налогообложения и др.

В целом налоговая реформа 2000-х годов может считаться успешной: благодаря ей упростился и стал более понятным и прозрачным механизм обложения, значительно сократилось

⁵ Stiglitz, J. (2003). The ruin of Russia // *The Guardian*, April 9 (<https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities> – accessed: April 9 2020).

общее количество обязательных платежей (с более 50 в 1990-х до менее 15 после 2004 года), были понижены ставки налогов (НДС – с 20% до 18%, налога на прибыль – с 35% до 24%, вместо прогрессивной шкалы НДФЛ с максимальной ставкой 35% впервые была введена плоская ставка 13%), и, соответственно, возросла посленалоговая рентабельность и активность хозяйственной деятельности экономических субъектов. По оценкам специалистов, в период с 2001 по 2006 год налоговая нагрузка на экономику ежегодно сокращалась примерно на 1% ВВП (Назаров, 2011: 26).

Всё это, однако, не привело к обострению проблем в системе общественных финансов, поскольку в качестве компенсатора выпадающих поступлений выступил прирост доходов от добычи и продажи углеводородов. Правительство реформировало налоговую политику в отношении нефтегазового сектора и разработало понятные правила игры для отрасли: был введен налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), установлена прогрессивная шкала ставки экспортной пошлины, повышены акцизы на нефтепродукты и др. В результате этого как в нефтяном, так и газовом секторе уровень налогообложения повысился и стал более гибким, лучше привязанным к величине доходов (Гурвич, Вакуленко, Кривенко, 2009: 56).

Но дело не только в этом. Принципиальное значение имел тот факт, что государство сумело вернуть себе контроль над нефтегазовой отраслью и перенаправить потоки рентных доходов на общественные нужды. Если в начале 2000-х годов доля государства в нефтегазовом секторе составляла всего 10%, то к 2008 году она уже достигла 40%. Переломным моментом стало дело компании ЮКОС, которой был предъявлен счет за неуплату налогов в десятки миллиардов долларов, а ее активы были проданы на аукционе (главная их часть досталась контролируемой государством «Роснефти») (Moser, 2016).

Результатом этих и других действий стало резкое повышение доли ресурсной ренты, присваиваемой государством. Приток сырьевых доходов стал важным фактором, который позволил нарастить доходы консолидированного бюджета с 212 млрд долл. (constant 2010 US\$) в 1999 году до 620 млрд долл. в 2008 году (т.е. почти в 3 раза), а также радикально улучшить положение в сфере внешнего долга: если в 1998 году его размер в 10 раз был больше суммы золотовалютных резервов страны, то во второй половине 2008 году уже, наоборот, золотовалютные резервы превысили размеры внешнего долга⁶.

Важным этапом реформирования системы государственного управления системой рентных доходов от углеводородов стало также создание в 2004 году Стабилизационного фонда, призванного обеспечивать сбалансированность федерального бюджета на случай падения цены на нефть ниже базовой. Вообще-то это обычная практика для стран, которые добывают углеводороды и стремятся обезопасить бюджет от колебаний мировых цен на нефть. Крупными фондами такого предназначения обладают ОАЭ, Норвегия, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия и др.

Стабилизационный фонд (СФ) формировался по «правилу Кудрина», которое было закреплено в Бюджетном кодексе РФ. Смысл его состоял в том, чтобы при достижении определенной цены на нефть часть получаемых предприятиями поступлений сберегалась в СФ. По сути, это был 100% целевой налог на рентные доходы от реализации нефти при ее цене свыше определенной величины – так называемой «цены отсечения». Размер этой цены отсечения с 2004 по 2006 год составлял 20 долл. за баррель нефти, а с 2006 года – 27 долл. По оценкам специалистов, это правило позволило изымать в СФ примерно $\frac{3}{4}$ дополнительных нефтяных доходов от благоприятной внешней конъюнктуры (Гурвич, Вакуленко, Кривенко, 2009: 61). За рассматриваемый период (2004–2008) размеры фонда возросли более чем в 7 раз (рис. 7) – с 0,52 трлн руб. в 2004 году до 3,8 трлн руб. в 2008 году в эквиваленте (фактически средства СФ хранились в иностранных валютах: долларах США – 66,8 млрд, евро – 50,9 млрд и британских фунтах – 7,7 млрд).

В январе 2008 года средства Стабилизационного фонда были зачислены на счета Федерального казначейства в Банке России по учету средств Резервного фонда (создан для финансового обеспечения нефтегазового трансферта) и Фонда национального благосостояния (создан для обеспечения софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан России, а также обеспечения сбалансированности федерального бюджета и бюджета Пенсионного фонда России).

⁶ Банк России (2020). Макроэкономическая финансовая статистика (http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/ – Дата обращения: 11.04.2020).

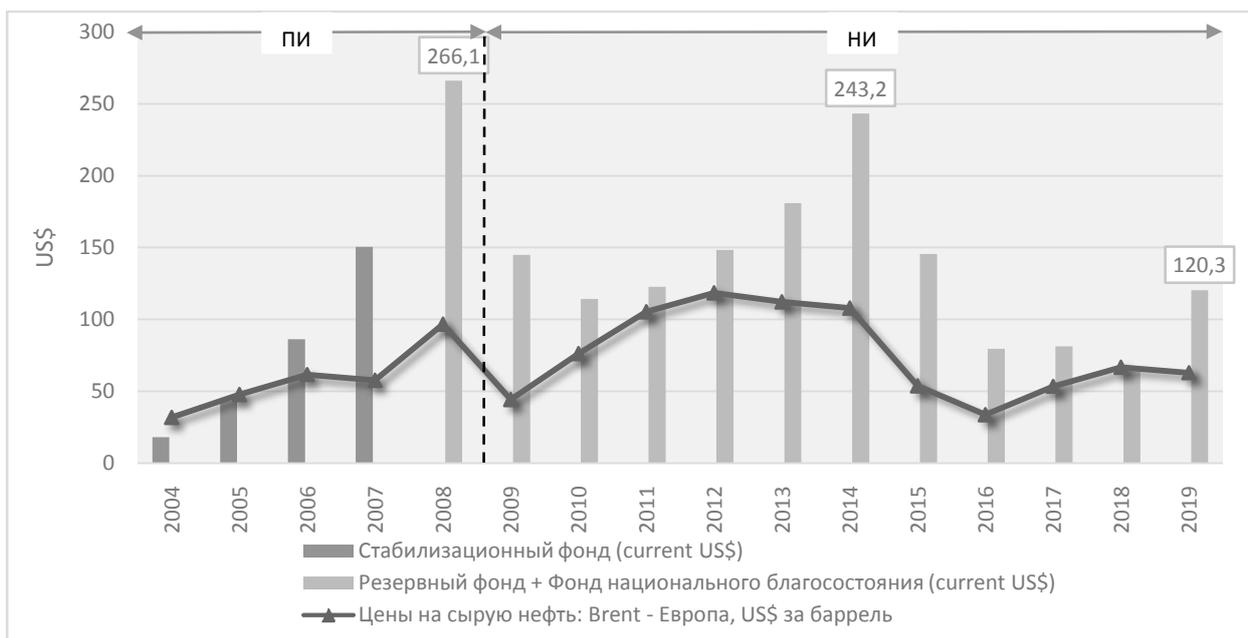

Рис. 7. Специальные государственные фонды Российской Федерации и динамика цен на нефть
Источник: составлено авторами по данным: Минфин России, 2020 (minfin.ru);
 Фонд национального благосостояния; Federal Reserve Bank of St. Louis (fred.stlouisfed.org)

Общая сумма средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния в 2008 году достигла 266 млрд долл. США (current US\$) – это наибольшая величина за весь рассматриваемый период. Эти накопленные ресурсы помогли сбалансировать бюджет в 2008–2009 годах во время очередного мирового финансового кризиса, который с некоторой задержкой перебрался с США и ЕС на Россию.

Мировой кризис обнажил конструктивные недостатки экономического (в том числе налогового) механизма РФ – механизма, ведомого растущим спросом в условиях наличия свободных производственных мощностей и долгосрочным повышением цен на российские экспортные товары, прежде всего нефть и газ (Мау, 2016: 350). Хотя этот механизм относительно успешно действовал в течение всего периода 1999–2008 годов, условно названного здесь «постиндустриальным».

Формально – это правильное название, если посмотреть на сравнительную динамику добавленной стоимости в индустрии и сфере услуг (рис. 8).

Действительно, как и во многих других странах, в РФ наблюдалась тенденция к опережающему развитию сферы услуг, в результате чего удельный вес индустрии в ВВП, несмотря даже на процессы ее восстановления, сократился. Это можно было бы считать нормальным, учитывая особое значение сферы услуг, особенно высокотехнологичных и цифровых, в современном мире, если бы не два принципиальных обстоятельства.

Первое. Проблема заключается в том, что по своим масштабам (при расчете на душу населения) и среднему уровню развития промышленность РФ не могла считаться сильной и продолжала существенно (в разы) отставать от США и ведущих европейских стран, обладающих во многих сегментах передовыми производствами, а перспективы преодоления существующих технологических разрывов были не очень хорошими. То есть фактически в 2000-е годы стране не удалось полностью избежать явления, известного как преждевременная деиндустриализация (premature deindustrialization), которая чревата долгосрочным замедлением экономического роста и связанными с ним проблемами (Rodrik, 2015). Это стало очевидным, когда внешние обстоятельства изменились в худшую сторону, и государству пришлось рассчитывать прежде всего на собственные силы. Когда в 2014 году правительство вынуждено было поставить вопрос о масштабном импортозамещении, оказалось, что многие вещи купить за рубежом нельзя ни за какие деньги, а

стартовые позиции, занятые страной по итогам развития в период «тучных лет», далеко не блестящие. Как отмечал тогдашний премьер-министр Д. Медведев, доля импорта в станкостроении оценивалась приблизительно в 90%, в тяжелом машиностроении – порядка 70%, в нефтегазовом оборудовании – 60%, в энергетическом оборудовании – около 50%, в сельхозмашиностроении в зависимости от категории продукции – от 50 до 90% и т.д.⁷ То есть выяснилось, что российская промышленность не является самодостаточной во многих стратегически важных сегментах и всё еще сильно зависит от экспорта – со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями в условиях обострения геополитического противостояния с коллективным Западом. Причем критическая зависимость, оцениваемая невозможностью отказаться от зарубежных закупок при любом росте цен, составляла около 40% (Цухло, 2016: 148).

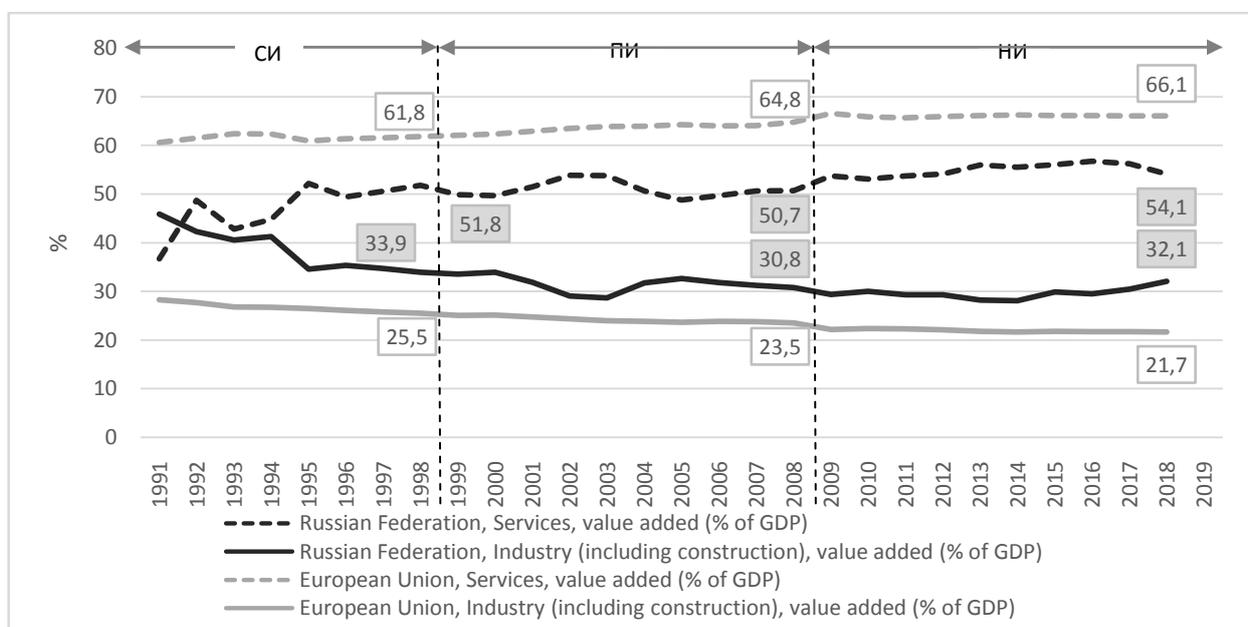

Рис. 8. Добавленная стоимость в РФ и ЕС: индустрия (включая строительство) и услуги**, % ВВП
* Индустрия соответствует подразделам 10-45 ISIC (Международной стандартной отраслевой классификации) и включает добавленную стоимость в добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности, строительстве, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды.

** Услуги соответствуют подразделам 50-99 ISIC и включают добавленную стоимость в оптовой и розничной торговле (включая гостиницы и рестораны), транспорте, государственных, финансовых, профессиональных и личных услугах, таких как образование, здравоохранение и услуги в сфере недвижимости.

Источник: составлено авторами по данным: World Development Indicators. DataBank (databank.worldbank.org)

Второе. Мировой финансово-экономический кризис ознаменовал кризис процессов всеобъемлющей глобализации (гиперглобализации). Уже в 2011 году международные цепочки добавленной стоимости перестали расширяться⁸. К тому же оказалось, что сфера услуг и финансы – это хорошо и нужно, но принципиально важно обладать собственными передовыми технологиями (например, 5G) и контролировать производство критических товаров у себя или вблизи себя. Особенно наглядно это проявилось во время пандемии, вызванной распространением коронавируса, когда повсеместно возник дефицит защитных масок и аппаратов искусственной вентиляции легких. Тем более что благодаря новейшим киберфизическим технологиям и робототехнике, экономия на трудовых издержках уже не имеет решающего значения, а важнее становится близость про-

⁷ Правительство России (2020). Совещание об обеспечении реализации отраслевых программ импортозамещения (<http://government.ru/news/17521/> – Дата обращения: 12.04.2020).

⁸ Марин, Д. (2020). Мировой кризис: как COVID-19 меняет промышленность // *Эксперт*, 10 апреля (<https://expert.ru/2020/04/10/kak-covid-19-menyat-promyshlennost/> – Дата обращения: 12.04.2020).

изводства к научным центрам и местам потребления. Поэтому теперь развитые страны активно занимаются рещорингом. Наиболее активно возвращают на свои и близлежащие территории химическую промышленность, металлообработку, производство электротоваров и электроники⁹. В свою очередь, это создает новые угрозы для тех стран, которые ориентированы на экспорт продукции невысокой степени переработки и отстают в развитии критически важных производственных технологий, в том числе для России.

Разумеется, это не проблемы налоговой системы РФ, или не только ее. Налоги – это неотъемлемая часть экономической экосистемы страны и реализуемой в ней политики. В 2000-е годы проводилась в основном экономическая политика универсального типа, предполагающая развитие рыночных институтов, повышение открытости экономики, привлечение иностранных инвестиций и технологий, которая, как оказалось, не способна в полной мере ответить на новые вызовы четвертой промышленной революции и обострение геополитической конкуренции. Налоги также были выдержаны в русле этой универсальной политики. В «тучные годы» они в целом хорошо обслуживали процессы восстановительного роста в РФ, ведомого спросом и благоприятной рыночной конъюнктурой. Но при этом они мало использовались для поддержки наукоемких, дорогостоящих и длительных по времени процессов создания новой техники и технологии, преодоления технологических разрывов и построения полной системы инновационной индустрии, определяющей национальную безопасность страны и её возможности занимать достойные позиции в быстро меняющемся мире. Такая задача тогда не ставилась, что со временем привело к обострению ряда хронических болезней экономики России. Это стало очевидным, и проблема перенастройки налоговой системы в соответствии с реалиями «новой нормальности» приобрела особую актуальность несколько позже.

Развитие налоговой системы в период геоэкономической и геополитической турбулентности (2009 год – настоящее время). Переход к обновлению налоговой системы в контексте задач новой индустриализации

Эволюция налоговой системы, как и любого экономического явления или процесса, часто инициируется внешними (экзогенными) факторами, которые в исследуемом периоде носили в основном негативный характер.

Первым внешним шоком, оказавшим значительное влияние на российскую экономику, стал мировой финансовый кризис 2007–2008 годов, начавшийся как ипотечный кризис на финансовом рынке США. Его влияние на российскую экономику проявилось чуть позднее по сравнению с развитыми странами, о чем свидетельствует, например, тот факт, что в 2008 году Россия заняла четвертое место в мире по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций.

Тем не менее российский рынок, относящийся к развивающимся (emerging market), не справился с изменившимися условиями внешней торговли (падение спроса на ресурсы на мировых рынках и, как следствие, – снижение цен на углеводороды), со значительными объемами оттока капитала и ужесточившимися условиями внешних заимствований. Следствием этого стало классическое развитие экономического кризиса, которое выразилось в снижении проциклических показателей (индексы фондового рынка, валютный курс рубля, объемы промышленного производства, доходы населения) и росте контрциклических (безработица, дефицит бюджета и др.).

Российское правительство инициировало пакет антикризисных мер, которые смягчили последствия кризиса. Изменения в налоговой системе, произошедшие в 2008 году, также стали своеобразной реакцией на кризис. Наиболее существенные из них были связаны со снижением ставки налога на прибыль с 24% до 20% для стимулирования развития национальной экономики, изменением порядка уплаты налога на добавленную стоимость в целях преодоления кризиса ликвидности, индексацией ставок акцизов, введением налога на недвижимость вместо земельного налога и налога на имущество физических лиц, а также изменениями в налогообложении добычи полезных ископаемых.

⁹ Марин, Д. (2020). Мировой кризис: как COVID-19 меняет промышленность // *Эксперт*, 10 апреля (<https://expert.ru/2020/04/10/kak-covid-19-menyayet-promyishlennost/> – Дата обращения: 12.04.2020).

В 2009–2010 годах тенденции трансформации налоговой системы существенно не изменились, что обусловлено среднесрочными трендами государственной бюджетно-налоговой политики.

Благодаря некоторому восстановлению мировой экономики и росту мировых цен на углеводороды российская экономика достаточно быстро оправилась и продолжила наращивание суверенных фондов. По итогам 2010 года рост ВВП РФ составил 4,5%, а инфляция в годовом исчислении снизилась до 6,6%.

В 2012 году в качестве внешних факторов, влияющих на национальную экономику, выступили начало функционирования Единого экономического пространства – общего рынка России, Белоруссии и Казахстана, а также вступление РФ во Всемирную торговую организацию (ВТО). Эти обстоятельства также оказали влияние на эволюцию налоговой системы с позиции унификации и соответствия требованиям ВТО.

К концу 2012 года экономический рост, обусловленный сложившейся в условиях высоких мировых цен на энергоносители моделью экономического развития, замедлился, и в 2013 году темпы роста ВВП составили всего 1,3%. По мнению экспертов Всемирного банка (Всемирный банк, 2014), основной причиной стало недостаточное внимание к проведению полномасштабных комплексных структурных реформ и, как следствие, ослабление доверия инвесторов. Модель развития была основана на крупных инвестиционных проектах, неуклонном повышении зарплат в государственном секторе и объемов денежных трансфертов. В этих условиях важным направлением совершенствования налоговой системы стали меры налогового стимулирования инвестиций и поддержки модернизации производства.

Вторым внешним шоком для российской экономики стало введение экономических санкций со стороны США, Европейского союза и ряда поддержавших санкции стран в марте 2014 года (введение секторальных ограничений на инвестиции, прекращение финансирования новых проектов международными финансово-кредитными институтами; запрет на долговое финансирование проектов в отраслях, затронутых санкциями и др.).

Следствием введения экономических санкций, помимо прямых и косвенных потерь, стал вынужденный переход к политике импортозамещения, эффективность которой неоднозначна. Достаточно успешно оно шло в сельском хозяйстве и легкой промышленности, хуже – в IT-секторе и электронике (Бетелин, 2016; Данилов-Данильян, 2016).

В сложившихся условиях усилилась необходимость достижения макроэкономической стабильности, которая с учетом сырьевой направленности экспорта должна включать механизм, изолирующий внутреннюю экономику от волатильности конъюнктурных доходов. Действенным механизмом минимизации восприимчивости внутренних экономических условий к колебаниям внешней конъюнктуры для сырьевых стран являются специальные бюджетные правила, применяемые для достижения макроэкономического равновесия в условиях низких темпов экономического роста.

В налоговой политике основным правилом стала реализация принципа стабильности фискальной среды – недопущения повышения налоговой нагрузки для добросовестных налогоплательщиков.

Специальные исследования взаимосвязи монетарной (денежно-кредитной) и фискальной (бюджетно-налоговой) политик (Пекарский, Атаманчук, Мерзляков, 2008; Караев, 2017) применительно к России позволяют сделать вывод о типе фискальной политики, реализуемой правительством. В случае ограничительной фискальной политики (в комплексе с аналогичной монетарной политикой) уровень инфляции поддерживается относительно низким, а объем стабилизационного фонда увеличивается. При стимулирующей фискальной политике, напротив, уровень инфляции поддерживается более высоким, а объем стабилизационного фонда возрастает в меньшей степени. При этом с позиций общественного благосостояния, если проводится стимулирующая фискальная политика, потери от повышенного уровня инфляции могут быть компенсированы выигрышем от более высокого объема выпуска.

На практике, учитывая сложившуюся динамику ВВП, снижение уровня инфляции и динамику Фонда национального благосостояния (рис. 7), невозможно сделать однозначный вывод о

преобладающем типе фискальной политики, реализуемой правительством РФ в 2009–2019 годы, что вообще-то ожидаемо для условий нестабильной институциональной среды с «короткими» правилами поведения, обусловленными в том числе неконтролируемыми внешними факторами.

Фискальная политика, определяемая как стимулирующая, принципиально должна характеризоваться планомерным снижением совокупной налоговой нагрузки, определяемой по отношению к ВВП, что, судя по цифрам, не наблюдалось, поскольку в течение рассматриваемого периода налоговая нагрузка сначала снижалась (до 2015 года), а потом росла. В 2019 году отношение доходов консолидированного бюджета к ВВП составило наибольшую величину за весь анализируемый период (35,9%). При этом самые значительные изменения произошли по налогу на прибыль: его доля в 2009 году сократилась в 1,7 раза после снижения ставки на 4 п.п., а также по ввозным таможенным пошлинам, доля которых в доходах консолидированного бюджета в последние годы не превышает 2%.

О характере проводимой фискальной политики могут также свидетельствовать нормативно-правовые изменения в налоговой системе.

За прошедшее десятилетие (2008–2018) было внесено более 300 изменений и дополнений в налоговую систему, причем в сфере налогового администрирования их было всего около 90. Подавляющее большинство из них (258) касалось существенных характеристик налогов. При этом, по нашей оценке, количество изменений, носящих стимулирующий характер, имело тенденцию к снижению (рис. 9).

Наибольшее количество изменений в налоговом законодательстве касалось налога на прибыль организаций. В основном они имели стимулирующий характер. В части налогообложения юридических лиц существенные изменения претерпели также НДС и НДПИ. По этим налогам прослеживалась общая тенденция стимулирования нефтегазового сектора экономики: были введены льготы, освобождающие от налогообложения определенные месторождения и полезные ископаемые (с 2012 года по нулевой ставке облагается добыча нефти и газа в Ямало-Ненецком АО, Охотском и Черном морях).

Рис. 9. Динамика числа и типов изменений в налоговой системе РФ

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной налоговой службы России

Кроме того, с начала 2010-х годов наблюдались активные изменения ставок НДПИ, вызванные налоговым маневром, который подразумевал снижение ставок экспортных пошлин с одновременным ростом налогообложения добычи. В целом же, несмотря на некоторые колебания, нефтегазовые доходы продолжали оставаться одним из наиболее крупных источников консолидированного бюджета РФ (рис. 10).

Если же говорить о последствиях для реального сектора экономики, то большое число изменений, которые были внесены в налоговое законодательство в рассматриваемом периоде, не привели к радикальным трансформациям структуры занятости и ВВП. Это ожидаемый резуль-

тат, поскольку налоги – это далеко не единственный, хотя и важный инструмент воздействия, а главную роль играют иные факторы, влияющие на инвестиции.

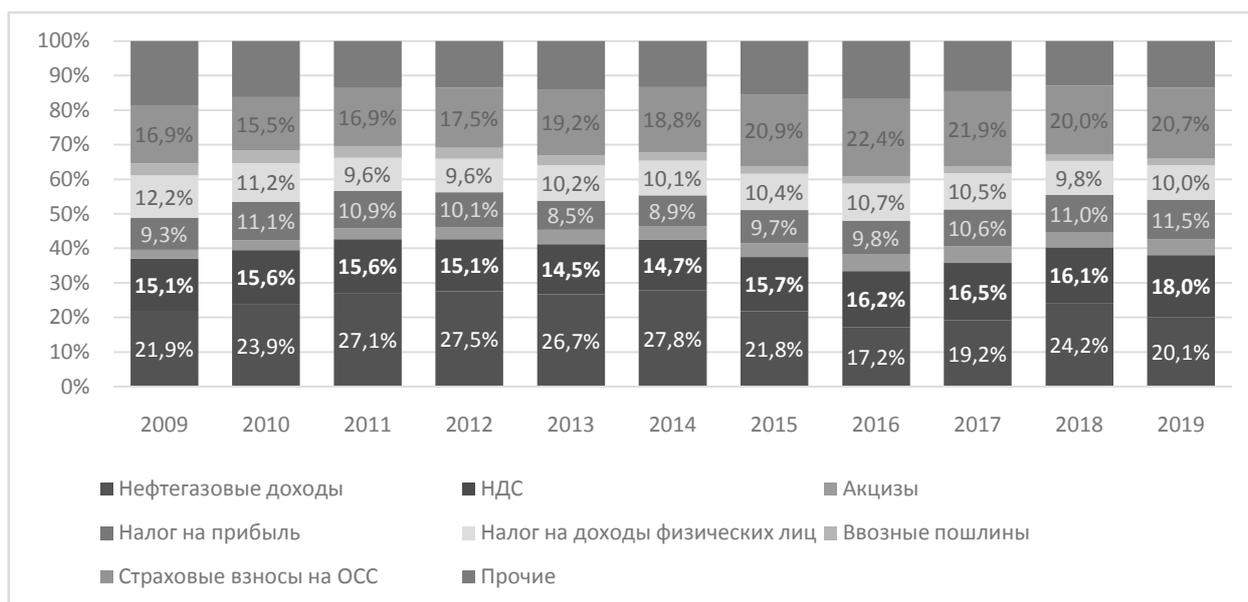

Рис. 10. Динамика показателей структуры налогов в консолидированном бюджете РФ
Источник: составлено авторами по данным Минфина России. Консолидированный бюджет Российской Федерации (minfin.gov.ru)

Тем не менее если анализировать ситуацию за весь рассматриваемый период в целом, то структура валового продукта, в том числе благодаря налоговой политике, несколько улучшилась: начиная с 2018 года обрабатывающая промышленность РФ обогнала торговлю и впервые за многие годы стала крупнейшим сектором российской экономики по доле в ВДС (рис. 11).

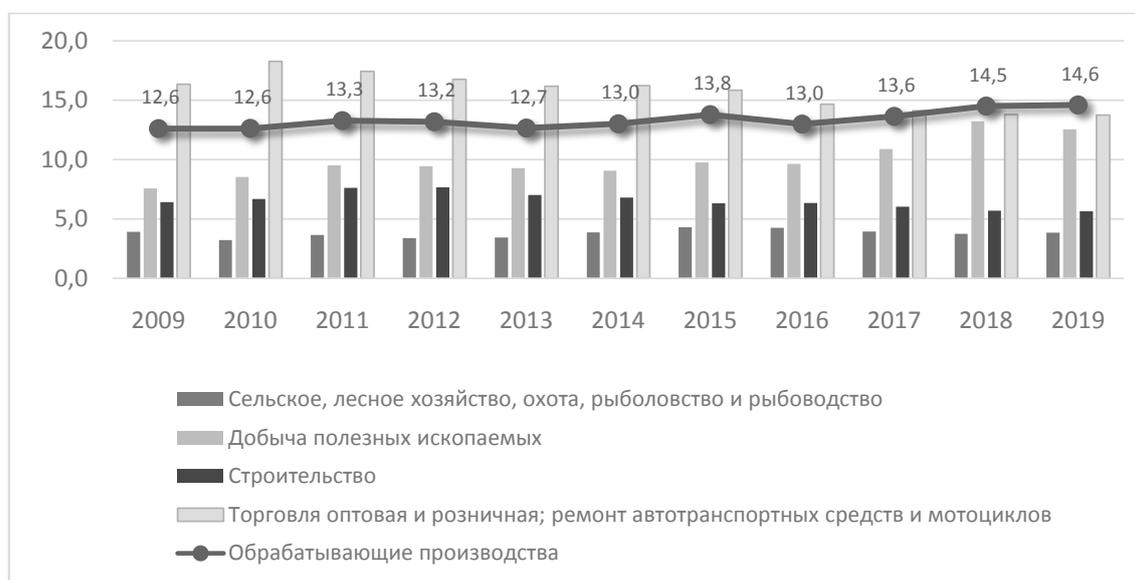

Рис. 11. Изменения в структуре ВДС РФ в 2009–2019 годах*

* Данные за 2009–2010 годы пересчитаны для приведения в сопоставимый вид с данными за 2011–2019 годы

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (rosstat.gov.ru/accounts)

При этом важные трансформации происходят на микроэкономическом уровне. Идет восстановление ряда предприятий и отраслей промышленности, которые формируют потенциал развития на будущие десятилетия: микроэлектроники (новый глава правительства РФ одним из первых своих распоряжений утвердил Стратегию развития электронной промышленности до 2030 года), станкостроения, тяжёлого и транспортного машиностроения. Существенного прогресса удалось добиться в сфере ОПК, где Россия обладает уникальными технологиями и компетенциями, в области создания двигателей для самолетов и вертолетов, авиастроении, судостроении, производстве труб большого диаметра, газовых турбин, химической и пищевой промышленности и др.

Это уже стало заметно и на макроэкономическом уровне: в последние годы сектор обработки показывал относительно неплохую динамику, опережая по темпам роста промышленность и экономику РФ в целом. Данная тенденция сохранилась и в ситуации шока от пандемии COVID-19: по итогам первого полугодия 2020 года обрабатывающая промышленность РФ сократилась на 2,3%, а добывающая промышленность – на 5,2%, промышленность в целом – на 3,5%, ВВП – на 4,2%.

Такая ситуация обусловлена в том числе тем, что правительство РФ начало проводить целенаправленную промышленную политику, которая нашла концентрированное выражение в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности до 2035 года, охватывающей все основные, курируемые Министерством промышленности и торговли РФ, направления: авиационное, судо- и станкостроение, сельскохозяйственное и энергетическое машиностроение, металлургию, химию и нефтехимию, легкую промышленность и др.

В налоговой сфере решению поставленных задач способствовал существенный прогресс в части последовательного снижения транзакционных издержек: если в 2009 году в рейтинге лёгкости уплаты налогов от PWC (Ease of paying taxes rankings) Россия занимала 134-е место, то в 2018 году – 58-е место. Но не только это. Важное значение имеет создание таких специфических налоговых инструментов, как специальные инвестиционные контракты СПИК (действуют с 2015 года¹⁰) и соглашения о защите и поощрении капиталовложений (пакет из трех законов принят весной 2020 года).

СПИКи представляют собой специальный инструмент промышленной политики, предназначенный для стимулирования инвестиций в промышленное производство на территории РФ. Механизм СПИК, в частности, предусматривает стабильные условия ведения бизнеса с даты заключения и в течение всего срока действия инвестиционного контракта, притом что применяются пониженные ставки по налогу на прибыль (федеральный бюджет – 0%; региональный бюджет – до 0% в соответствии с региональным законом), льготы по налогам на имущество, транспортному и земельному.

Примером СПИК может служить контракт, который в начале 2019 года сроком на 10 лет заключили Министерство промышленности и торговли РФ и ведущий российский автопроизводитель АвтоВАЗ¹¹. Он, в частности, предусматривает привлечение инвестиций на общую сумму 70 млрд руб., которые предназначены для модернизации производственных мощностей, развития модельного ряда, локализации производства ключевых автомобильных агрегатов.

Более новый инструмент – пакет из трех законов о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) в России. Предметом соглашений являются объемы инвестиций в обмен на фиксированные определенных существенных условий реализации проекта, в том числе налогов (кроме НДС и социальных сборов), значимого государственного регулирования и таможенных пошлин.

Но наиболее важная новация, которая произошла в налоговой сфере в последние годы в связи с курсом на ускоренное развитие реального сектора экономики на основе передовых, прежде всего цифровых технологий, – это цифровизация системы налогового администрирования.

Слияние цифровых и физических технологий – это главный тренд индустриальных трансформаций в современном мире, формирующих «умный» киберфизический социум, в котором реализована идея интеграции «железа» и «цифры», основанная на искусственном интеллекте.

¹⁰ 2 августа 2019 года Президент РФ подписал пакет из трех законов, направленных на обновление механизма специальных инвестиционных контрактов «СПИК 2.0».

¹¹ СПИК модернизирует автопром (2020) // Эксперт, (<https://expert.ru/expert/2019/05/spik-moderniziruet-avtoprom/>) – Дата обращения: 06.08.2020).

Новые киберфизические технологии возродили глобальный интерес к развитию индустрии: умной, роботизированной, точно настраиваемой на удовлетворение индивидуальных потребностей людей и предприятий и размещаемой вблизи мест потребления. По этой причине в мире активно идет решоринг – перераспределение производственных мощностей и генерируемой ими экономической власти, что обусловило рост геоэкономической и геополитической напряженности, а также рисков удаленного размещения и управления бизнесом (De Backer et al., 2016).

Очевидно, что такие изменения в производственно-технологической структуре обуславливают неизбежные трансформации в налоговых базах (в связи с изменением каналов бизнес-коммуникаций, способов производства и потребления товаров (OECD, 2018: 24–26) и налоговых системах стран мира, которые уже переходят к активному использованию искусственного интеллекта, анализа больших данных, блокчейна и других прорывных технологий. Это позволяет ставить и решать задачи цифровой алгоритмизации налогов, организации налогообложения в режиме реального времени, обеспечения высокой защищенности и прозрачности налоговых транзакций (на принципах псевдонимности), автоматической уплаты налогов с использованием смарт-контрактов, использования интернет-ресурсов для корректного учета личных обстоятельств налогоплательщиков и др. (Frankowski et al., 2017; Mokka et al., 2017; Vishnevsky, Chekina, 2018).

Также очевидно, что такие глубокие трансформации связаны с необходимостью решения целого комплекса сложных проблем, как технических (развитие широкополосного интернета, освоение технологии 5G, решение трилеммы блокчейна, обеспечение безопасности компьютерных сетей и др.), так и сугубо налоговых, связанных с охватом налогами новых киберфизических технологий и продуктов их применения, заменой цифровых транзакций и других «выпадающих» доходов бюджета традиционными объектами налогообложения, рисками формирования «умной» налоговой экосистемы и др. (Vishnevsky, Chekina, 2018).

В РФ, как и во многих других странах, действует специальная программа цифровизации, которая включает в том числе налоговое направление. Результаты уже есть. По оценкам Федеральной налоговой службы, Россия опережает многие зарубежные юрисдикции по уровню цифровизации налоговых сервисов¹². В сфере налогового администрирования в РФ сначала были созданы веб-сайты, веб-порталы и персональные электронные сервисы. В настоящее время продолжается работа над мобильными приложениями и индивидуальными проактивными сервисами. В перспективе налоговое администрирование должно превратиться в адаптивную цифровую платформу, работающую исключительно с цифровыми данными и электронными лицами. Со временем эту структуру планируют превратить в IT-сервис, взаимодействующий в режиме реального времени с цифровыми процессами внутри компаний-налогоплательщиков в том числе для целей проверки правильности начисления и уплаты налогов.

Можно выделить четыре основных элемента цифровой информационной системы ФНС: (1) автоматизированная система контроля за возмещением НДС (АСК НДС); (2) автоматизированная система контроля применения контрольно-кассовой техники (АСК ККТ); (3) информационная система маркировки и прослеживания товаров (ИС МПТ); (4) информационная система реестра населения и записей актов гражданского состояния (ИС ЗАГС).

В комплексе эти элементы позволили, с одной стороны, уменьшить степень административного давления на бизнес (в том числе снизить частоту выездных налоговых проверок), а с другой – обеспечить устойчивый рост налоговых поступлений: начиная с 2016 года (когда стали широко применяться цифровые технологии в администрировании налогов) они росли быстрее, чем ВВП страны, инвестиции и реальные доходы населения. Можно даже утверждать, что налоги «оторвались» от базы налогообложения – со всеми вытекающими отсюда макроэкономическими последствиями, сопоставимыми с введением новых обязательных платежей или изменением налоговых ставок основных из числа действующих налогов (рис. 12).

¹² Мишустин, М. (2019). С России берут пример, к нам приезжают учиться // *Коммерсант*, № 214 от 21.11.2019, стр. 1 (<https://www.kommersant.ru/doc/4165008> – Дата обращения: 06.08.2020).

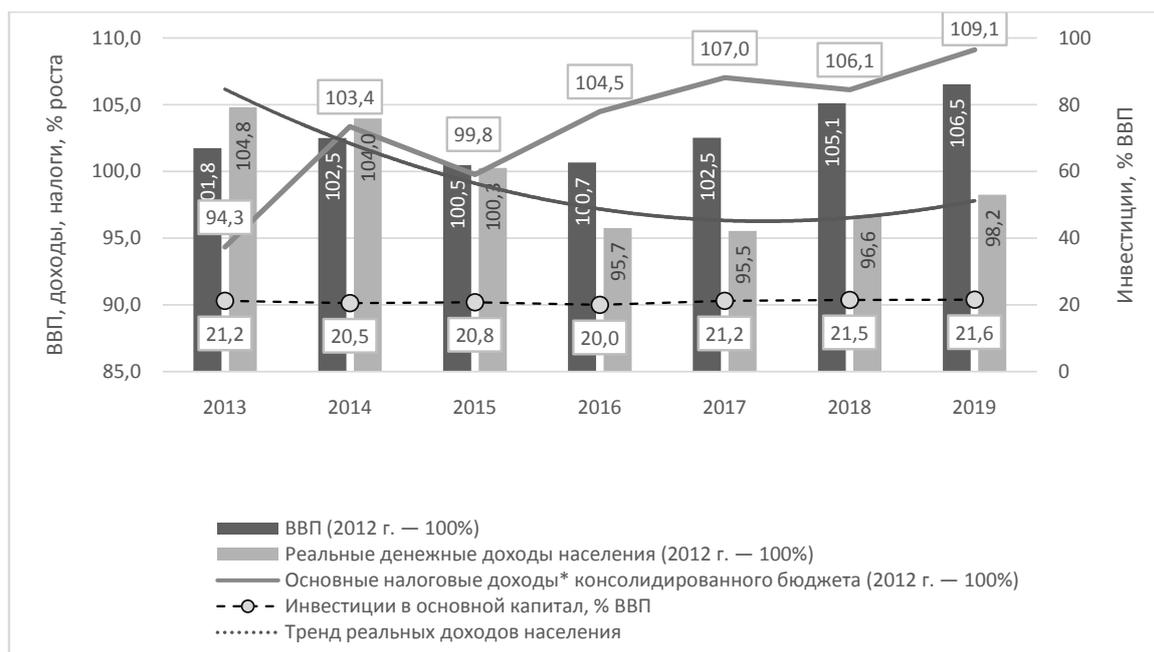

Рис. 12. Сравнение инвестиций, роста ВВП и доходов населения с ростом налоговых доходов консолидированного бюджета РФ

Источник: рассчитано авторами по данным Министерства финансов РФ и Федеральной службы государственной статистики РФ

Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, цифровые технологии могут быть весьма результативными и эффективными (в данном случае в налогообложении). Однако, с другой стороны, последствия их применения уже выходят за рамки экономических отношений на микроуровне, что создает не только новые возможности, но и новые проблемы (Вишневский, 2019). Такое увеличение налогов (в том числе за счет уменьшения теневых трансакций) – это существенное повышение фактической налоговой нагрузки на экономику, перераспределение ограниченных ресурсов в пользу государственного сектора, притом что экономический рост в РФ в последние годы наблюдался небольшой, инвестиции «застряли» на уровне 20–22% ВВП, и реальные денежные доходы населения всё еще ниже уровня 2012 года. В принципе, исходя из стандартной теории общественных финансов, это скорее проциклическая, чем антициклическая фискальная политика.

С учетом выявившихся проблем с реализацией национальных проектов это свидетельствует о том, что фискальные правила РФ требуют пересмотра: помимо применения цены отсечения, которая действует как барьер на пути вливания углеводородной ренты в экономику, чреватого «голландской болезнью» (негативным влиянием роста цен на экспорт добывающих отраслей), необходим также механизм автоматического возврата налогов в экономику – если только уровень налогов, в том числе благодаря цифровым технологиям администрирования, превышает некоторый предел. Похожий механизм уже предусмотрен для Фонда национального благосостояния (согласно действующему законодательству вложение средств этого фонда в финансовые активы разрешается после того, как его ликвидная часть на конец года превысит 7% прогнозного ВВП). Однако использование средств Фонда благосостояния – это особый стратегический вопрос, а регулирование процесса налогово-бюджетного кругооборота текущей ликвидности – актуальная задача, связанная с прямым влиянием на ослабленный спрос, которую нужно решать уже сейчас.

Выводы

1. Производственные технологии на фундаментальном уровне определяют не только что и как производится, как создается добавленная стоимость, но также и то, как (в форме каких нало-

гов, с помощью каких финансовых технологий) часть этой добавленной стоимости изымается на общественные нужды. Такая зависимость более явно прослеживается на больших исторических периодах в развитии общества, технологий и экономики, именуемых промышленными революциями. Но ее можно также проследить на примере относительно небольшого периода времени, прошедшего с момента образования РФ в 1991 году, в том числе потому, что на его последнее десятилетие приходится начало новой – четвертой – промышленной революции. А сам этот период для оценки взаимосвязи технологий и налогов было предложено условно разбить на три этапа: староиндустриальный (1991–1998), постиндустриальный (1999–2008) и неоиндустриальный (с 2009 года по настоящее время).

2. Староиндустриальный этап (1991–1998) отмечен перестройкой и ухудшением производственно-технологической структуры экономики. Россия унаследовала от бывшего СССР развитую индустрию, характерную для периода третьей промышленной революции и основанную на массовом автоматизированном производстве корпораций, включенных в систему международного разделения труда. Поэтому закономерно, что основу ее налоговой системы, пришедшей на смену плановым финансам советского периода, составили новые для РФ, но обычные для стран с развитой промышленностью обязательные платежи: налог на прибыль предприятий, основанный на стандартизированном учете финансовых результатов; подходящий налог с физических лиц, составляющий часть издержек предприятий и взимаемый у источника выплаты доходов; НДС, органично вписанный в систему международной торговли. Эти налоги стали важным элементом рыночных трансформаций российской экономики и смены техноэкономической парадигмы. Она в основном завершилась к концу указанного периода и сопровождалась разрушением значительной части промышленного потенциала, прежде всего в машиностроении, и потерей многих наукоемких производственных технологий и компетенций, а ее закономерным итогом стал финансовый кризис 1998 года. Новые налоги не препятствовали, а способствовали ускорению таких неоднозначных трансформаций. Это еще раз подчеркивает их подчиненную роль: налоги могут и должны активно использоваться для успешного развития экономики, но при этом, во-первых, они сами зависят от того, что и как производится, и, во-вторых, могут способствовать прогрессивным технико-технологическим преобразованиям, если для этого создан комплекс соответствующих условий: государство хочет (проявляет политическую волю) и способно защищать национальные интересы на мировых рынках; в стране действуют прозрачные «длинные» правила, способствующие инновациям и препятствующие «короткому» рентоориентированному поведению; активно поддерживается и поощряется развитие национальной научно-технической сферы, исследований и разработок и др.

3. Постиндустриальный этап (1999–2008) характеризуется наличием вновь сформированной производственно-технологической структуры экономики, в которой ведущую роль стали играть технологии добывающей промышленности, прежде всего в сфере добычи углеводородов, а также преобладанием в структуре ВДС сферы торговли. В этот период Россия закрепила за собой роль глобального поставщика нефти и газа на мировые рынки. Идеология такого подхода состояла в том, что страна специализируется на экспорте углеводородов, а взамен импортирует необходимое оборудование и конечную продукцию. Однако налоговая система, которая была сформирована по итогам предыдущего этапа рыночных трансформаций, не соответствовала реалиям новой производственно-технологической структуры. Подоходные налоги (на прибыль, доходы) и НДС, составляющие основу налоговых систем многих стран мира, прежде всего развитых, хорошо работают в условиях свободной торговли, конкурентных рынков и цен и не предназначены для специального изъятия природной ренты, значительная часть которой поступала в распоряжение частных лиц. Данное несоответствие было в основном устранено в начале 2000-х годов посредством восстановления государственного контроля над значительной частью базы налогообложения углеводородов, введения «прозрачного» налога на добычу полезных ископаемых, прогрессивной шкалы ставок пошлины на экспорт углеводородов и др., а также формирования Стабилизационного фонда. Это была принципиальная перестройка налоговой системы, связанная с резким повышением доли ресурсной ренты, присваиваемой государством. В условиях благоприятной внешней конъюнктуры она позволила восстановить экономический

суверенитет страны, радикально сократить внешний долг, в разы увеличить доходы консолидированного бюджета и накопить существенные резервы (в том числе золотовалютные), что в комплексе способствовало существенному смягчению последствий мирового финансового кризиса 2007–2008 годов.

4. Третий – неиндустриальный – этап (с 2009 года по настоящее время) продемонстрировал ущербность сформированной ранее техноэкономической парадигмы и структуры налоговой системы, базирующихся на экспорте углеводородов. Во-первых, потому что цены на сырьевых рынках обладают высокой волатильностью по объективным причинам, в том числе в связи с цикличностью процессов экономического развития. Во-вторых, потому что торговля любимыми стратегическими товарами (в том числе энергетическими) подвержена сильному политическому давлению (пример – Северный поток – 2). В-третьих, потому что на это время пришлось начало новой промышленной революции, основанной на слиянии физических и цифровых технологий, которая ускоряет девальвацию сырьевых товаров. РФ, столкнувшись с обвалом цен на углеводороды и попав под экономические санкции, вынуждена была обратиться к реализации политики импортозамещения и новой индустриализации, закономерным итогом которых стала Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности (2020 год). В налоговой сфере усилия были направлены на снижение транзакционных налоговых издержек (требование неизменности базовых правил налогообложения, существенное улучшение позиций РФ в рейтинге Paying taxes), а также на разработку и применение специальных налоговых режимов для стимулирования инвестиций в новую технику и технологии (СПИКи, ЗПКВ, специальные льготы для IT-отрасли и др.). Но наиболее важной системной мерой по трансформации налоговой системы стало приведение налогового администрирования в соответствие с возможностями новых цифровых технологий. В частности, были разработаны и внедрены автоматизированная система контроля за возмещением НДС, автоматизированная система контроля применения контрольно-кассовой техники, информационная система маркировки и прослеживания товаров и др. В результате сейчас система администрирования НДС в РФ является одной из лучших в мире. Судя по динамике макроэкономических показателей, есть основания утверждать, что налоговая система быстрее адаптирует и лучше использует новые киберфизические технологии, чем экономика РФ в целом.

5. Тем не менее это только начало пути – и в сфере производственно-технологического развития, и в сфере трансформации налоговой системы, которая, с одной стороны, должна соответствовать требованиям и возможностям новой техники и технологий, а с другой – активно стимулировать их развитие. Общие принципы налоговых реформ, соответствующие новой киберфизической реальности и цифровым трансформациям налоговой базы – это цифровая алгоритмизация налогов, получение защищенной информации о хозяйственных транзакциях в режиме реального времени, автоматическое исчисление и уплата налогов по смарт-контрактам в соответствии с императивами государственной экономической политики. Исходя из этих принципов, нерешенные проблемы остаются и в части состава и структуры налогов, и в части формирования новых налоговых институтов. В целом налоговая система РФ пока еще слабо соответствует новым цифровым реалиям. В особенности это касается налога на прибыль предприятий, который построен на расплывчатых бухгалтерских принципах соизмерения затрат и результатов за отчетный период и в принципе плохо поддается цифровой алгоритмизации. Для успешного вхождения в высокотехнологичное будущее требуется также изменение структуры налоговой системы в направлении ее лучшего соответствия требованиям ускорения научно-технологического развития (сокращение удельного веса налогов, обременяющих инвестиции, в том числе – в сферу НИОКР). Необходим дальнейший прогресс в снижении транзакционных налоговых издержек, в частности в аспекте информационной безопасности, за счет применения новейших цифровых технологий. Но делать это нужно с учетом того, что только нейтральной и удобной налоговой системы уже недостаточно для успеха неоиндустриализации, поскольку новые киберфизические и иные подрывные технологии на начальных этапах своего жизненного цикла отличаются высокими рисками и низкой рентабельностью, а поэтому без специальной поддержки чисто экономически будут уступать уже имеющимся технологиям и продуктам (в

том числе импортным). В этой связи требуется дальнейшее совершенствование специальных налоговых режимов, механизмов публично-частного партнерства, политики в сфере международного налогообложения и др.

Работа в этом направлении продолжается. И если она окажется успешной, то в перспективе налоговая система России может быть преобразована в «умную» автоматическую цифровую платформу, работающую в режиме реального времени с электронными лицами, точно учитывающую индивидуальные обстоятельства налогоплательщиков и отвечающую общим требованиям социально-экономической политики государства.

Литература

- Бетелин, В. Б. (2016). О проблеме импортозамещения и альтернативной модели экономического развития России // *Стратегические приоритеты*, 1(9), 11–21.
- Вишневский, В. П. (2019). Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 35 (4), 606–627. DOI: 10.21638/spbu05.2019.406
- Вишневский, В. П., Гончаренко, Л. И., Гурнак, А. В. (2016). Эволюция налоговых институтов и проблемы перехода к экономическому росту // *Terra Economicus*, 14 (4), 14–30. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-14-30
- Всемирный банк (2014). *Доклад об экономике России № 31: кризис доверия обостряет экономические проблемы России*, март, 52 с.
- Гурвич, Е., Вакуленко, Е., Кривенко, П. (2009). Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах // *Вопросы экономики*, (2), 51–70. DOI:10.32609/0042-8736-2009-2-51-70
- Данилов-Данильян, А. В. (2016). Процесс импортозамещения в экономике России: особенности и мифы // *Вестник Института экономики РАН*, (3), 20–37.
- Караев, А. К. (2017). Нелинейная динамическая модель взаимодействия фискальной и монетарной политик России // *Экономика. Налоги. Право*, (3), 43–51.
- Лыкова, Л. Н. (2016). Налоговая политика России в условиях кризиса // *Журнал Новой экономической ассоциации*, (1), 186–192.
- Назаров, В. С. (2011). Налоговая система России в 1991–2008 годах // *История новой России* (<http://www.ru-90.ru/node/1170> – Дата обращения: 6.04.2020).
- Пекарский, С. Э., Атаманчук, М. А., Мерзляков, С. А. (2008). Модель макроэкономической политики в экспортоориентированной экономике // *Экономический журнал Высшей школы экономики*, (3), 337–364.
- Польнов, М. Ф. (2005). Рыночные реформы в 1990-е годы и их последствия для промышленности России // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*, (1), 78–90.
- Сайфиева, С. Н., Ермилина, Д. А. (2012). Российское машиностроение: состояние и тенденции // *Экономист*, (2), 32–43.
- Центральный Банк Российской Федерации (1999). *Годовой отчет 1998*. Утвержден Советом директоров Банка России 14.05.1999. Агентство экономической информации «Прайм-ТАСС», 219 с.
- Центральный Банк Российской Федерации (2000). *Годовой отчет 1999*. Утвержден Советом директоров Банка России 13.05.2000. Агентство экономической информации «Прайм-ТАСС», 210 с.
- Цухло, С. В. (2016). Проблемы и успехи импортозамещения в российской промышленности // *Журнал Новой экономической ассоциации*, (4), 147–153. DOI: 10.31737/2221-2264-2016-32-4-7
- De Backer, K., Menon, C., Desnoyers-James, I., Moussiégt, L. (2016). Reshoring: Myth or Reality? // *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, № 27. Paris: OECD Publishing, 34 p. DOI: 10.1787/5jm56frbm38s-en

- Frankowski, E., Barański, P., Bronowska, M. (2017). *Blockchain technology and its potential in taxes*. Poland: Deloitte, 19 p.
- IMF (2020). *A Crisis Like No Other, An Uncertain Recovery*. International Monetary Fund: World Economic Outlook Update, June.
- Mau, V. (2016). Between crises and sanctions: economic policy of the Russian Federation // *Post-Soviet Affairs*, 32 (4), 350–377. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1053723
- Mayburov, I. A., Kireenko, A. P. (2018). Tax reforms and elections in modern Russia // *Journal of Tax Reform*, 4 (1), 73–94. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.046
- Mokka, R., Neuvonen, A., Lindgren, J. (2017). *Digitalisation and the future of taxation*. Helsinki: The Finnish Innovation Fund Sitra, January 11, 8 pp.
- Moser, N. (2016). Ownership and enterprise performance in the Russian oil industry, 1992–2012 // *Post-Communist Economies*, 28 (1), 72–86. DOI: 10.1080/14631377.2015.112455
- OECD (2018). *Tax Challenges Arising from Digitalisation – Interim Report 2018: Inclusive Framework on BEPS, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264293083-en
- Pogorletskiy, A. I. (2017). Tax policy in the contemporary world: peculiarities and prospects, implementation in Russia // *Journal of Tax Reform*, 3 (1), 29–42. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.1.029
- PwC, the World Bank and International Finance Corporation (2019). *Paying Taxes 2020*. Washington, DC: the World Bank, 49 p.
- Rodrik, D. (2015). *Premature deindustrialization*. Working Paper 20935. National Bureau of Economic Research. 1050 Massachusetts Avenue, Cambridge, MA 02138. 50 p.
- Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum, Geneva, Switzerland.
- Vishnevsky, V. P., Chekina, V. D. (2018). Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions // *Journal of Tax Reform*, 4 (1), 6–26. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.042

References

- Betelin, V. B. (2016). On the problem of import substitution and alternative models of economic development in Russia. *Strategic priorities*, 1(9), 11–21. (In Russian.)
- Danilov-Danilyan, A. V. (2016). The process of import substitution in the Russian Economy: Peculiarities and myths. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (3), 20–37. (In Russian.)
- De Backer, K. Menon, C., Desnoyers-James, I., Moussiégt, L. (2016). Reshoring: Myth or Reality? *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, № 27. Paris: OECD Publishing, 34 p. DOI: 10.1787/5jm56frbm38s-en
- Frankowski, E., Barański, P., Bronowska, M. (2017). *Blockchain technology and its potential in taxes*. Poland: Deloitte, 19 p.
- Gurvich, E., Vakulenko, E., Krivenko, P. (2009). Cyclical properties of fiscal policy in oil-producing countries. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 51–70. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-2-51-70 (In Russian.)
- IMF (2020). *A Crisis Like No Other, An Uncertain Recovery*. International Monetary Fund: World Economic Outlook Update, June.
- Karaev, A. K. (2017). A Nonlinear Dynamic Model of the Russian Fiscal and Monetary Policy Interaction. *Economy. Taxes. Law*, (3), 43–51. (In Russian.)
- Lykova, L. N. (2016). Tax policy of Russia under the crisis conditions. *The Journal of the New Economic Association*, (1), 186–192. (In Russian.)
- Mau, V. (2016). Between crises and sanctions: economic policy of the Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, 32(4), 350–377. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1053723

- Mayburov, I. A., Kireenko, A. P. (2018). Tax reforms and elections in modern Russia. *Journal of Tax Reform*, 4(1), 73–94. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.046
- Mokka, R., Neuvonen, A., Lindgren, J. (2017). *Digitalisation and the future of taxation*. Helsinki: The Finnish Innovation Fund Sitra, January 11, 8 pp.
- Moser, N. (2016). Ownership and enterprise performance in the Russian oil industry, 1992–2012. *Post-Communist Economies*, 28(1), 72–86. DOI: 10.1080/14631377.2015.112455
- Nazarov, V. S. (2011). Tax system of Russia in 1991–2008. *The History of the New Russia* (<http://www.ru-90.ru/node/1170> – accessed: April 6 2020). (In Russian.)
- OECD (2018). *Tax Challenges Arising from Digitalisation – Interim Report 2018: Inclusive Framework on BEPS, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264293083-en
- Pekarsky, S. E., Atamanchuk, M. A., Merzlyakov, S. A. (2008). Model of macroeconomic policy in an export-oriented economy. *HSE Economic Journal*, (3), 337–364. (In Russian.)
- Pogorletskiy, A. I. (2017). Tax policy in the contemporary world: peculiarities and prospects, implementation in Russia. *Journal of Tax Reform*, 3(1), 29–42. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.1.029
- Polynov, M. F. (2005). Market reforms in the 1990s and their consequences for Russian industry. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, (1), 78–90. (In Russian.)
- PwC, the World Bank and International Finance Corporation (2019). *Paying Taxes 2020*. Washington, DC: the World Bank, 49 p.
- Rodrik, D. (2015). *Premature deindustrialization*. Working Paper 20935. National Bureau of Economic Research. 1050 Massachusetts Avenue, Cambridge, MA 02138. 50 p.
- Saifieva, S. N., Ermilina, D. A. (2012). Russian mechanical engineering: status and trends. *Economist*, (2), 32–43. (In Russian.)
- Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum, Geneva, Switzerland.
- The Central Bank of the Russian Federation (1999). *Annual report 1998*. Approved by the Bank of Russia Board of Directors on May 14, 1999. Business News Agency Prime-TASS, 219 p. (In Russian.)
- The Central Bank of the Russian Federation (2000). *Annual report 1999*. Approved by the Bank of Russia Board of Directors on May 13, 2000. Published by Business News Agency Prime-TASS, 210 p. (In Russian.)
- Tsukhlo, S. V. (2016). Challenges and Successes of Import Substitution in the Russian Industry. *The Journal of the New Economic Association*, (4), 147–153. DOI: 10.31737/2221-2264-2016-32-4-7 (In Russian.)
- Vishnevsky, V. P. (2019). The digital economy in the context of the Fourth Industrial Revolution: Opportunities and limitations. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 35(4), 606–627. DOI: 10.21638/spbu05.2019.406 (In Russian.)
- Vishnevsky, V. P., Chekina, V. D. (2018). Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions. *Journal of Tax Reform*, 4(1), 6–26. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.042
- Vishnevskiy, V. P., Goncharenko, L. I., Gurnak, A. V. (2016). Evolution of tax institutes and transition towards economic growth. *Terra Economicus*, 14(4), 14–30. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-14-30 (In Russian.)
- World Bank (2014). *Russian Economic Report № 31: Confidence Crisis Exposes Economic Weakness*, March, 52 p. (In Russian.)